Herausforderungen der Rezeption poetischer Texte in der Inszenierung des Stücks Cyrano de Bergerac am Moskauer Tschechow-Kunsttheater

von Jegor Peregudow

Heutzutage sind lyrische Texte auf der Bühne für die Zuschauer zunehmend ungewohnt geworden. Zeitgenössisches russischsprachiges Drama in Versen gibt es praktisch nicht. Abgesehen von Shakespeare, Moliere und selten Puschkin oder Lermontow ziehen klassische Texte in Versform immer weniger Regisseure an. Und während Theaterlabs und Experimentalbühnen es sich erlauben können, mit Zwetajewas, Calderón de la Barcas oder Federico García Lorcas Poesie zu arbeiten, sind Versdramen auf den grossen Bühnen der führenden Moskauer Theater mit Platz für 800 bis 1000 Zuschauer eine Seltenheit. Bei der Arbeit mit einem poetischen Text muss sich der Regisseur dieser Situation bewusst sein.

Von Cyrano de Bergerac, einer Heldenkomödie von Edmond Rostand, existieren fünf Übersetzungen ins Russische, die sich in Entstehungszeit und Versmass wesentlich voneinander unterscheiden, verschiedene Bedeutungsakzente setzen und zudem von den Übersetzern in unterschiedlichem Ausmass ergänzt wurden. Für am ehesten zeitgemäss hat man am Moskauer Tschechow-Kunsttheater eine Übersetzung aus dem Jahr 1938 befunden: Wladimir Solowjow, mehrfach mit dem Stalinpreis ausgezeichnet, erstellte sie am Höhepunkt des Grossen Terrors.

О проблемах восприятия поэтического текста в связи с постановкой спектакля «Сирано де Бержерак» на сцене МХТ им. Чехова.

Автор Егор Перегудов

Современный зритель постепенно отвыкает от стихотворного текста на сцене. Актуальной русскоязычной драматургии в стихах практически не существует. Классические стихотворные тексты, за исключением Шекспира, Мольера и изредка Пушкина и Лермонтова, всё меньше привлекают режиссёров. И если лабораторные и экспериментальные сцены могут себе позволить работу над поэтическими текстами Цветаевой, Кальдерона или Лорки, то спектакль в стихах на больших сценах ведущих московских театров вместимостью 800-1000 зрителей – редкость. При работе над поэтическим текстом режиссёр не может не учитывать этот контекст.

Существует пять переводов героической комедии Ростана на русский язык, существенно отличающихся друг от друга как по времени создания, стихотворному размеру, так и по смысловым акцентам и даже количеству авторских добавлений в текст от самих переводчиков. Наиболее созвучным сегодняшнему дню оказался перевод Вл. Соловьёва 1938 года, сделанный лауреатом нескольких Сталинских премий в самый разгар репрессий. Он почти в полтора раза короче оригинала, его поэтика довольна суха и

Sie ist fast um ein Drittel kürzer als das Original, ihre Poetik ist recht trocken und konkret, die Dialoge direkt, und die Monologe kommen ohne Weitschweifigkeit und Romantismus aus, wie sie zum Beispiel der kanonischen Übersetzung von Tatjana Schtschepkina-Kupernik anhaften.

Für einen Regisseur ist der Moment, in dem der Zuschauer den Raum eines poetischen Textes «betritt», sehr wichtig. Einfacher gesagt, es soll den Zuschauer nicht wundern, wenn die Menschen auf der Bühne auf einmal in Versen sprechen. Um ein anfängliches Befremden zu vermeiden, wendet der Regisseur einen Trick an: Er gestaltet die ersten zwanzig Minuten der Vorstellung mit Liedern und Songs. Die Zuschauer haben also ein Musikschauspiel vor sich, das Cyrano dann mit seinem Auftritt unterbricht. Lieder sind jener Raum des modernen Lebens, in dem die Lyrik (noch immer) uneingeschränkt herrscht, sodass es dem Zuschauer nach sechs, sieben Liedern nicht weiter auffällt, wenn die Schauspieler in einen gereimten Dialog wechseln.

конкретна, диалоги стремительны, а монологи лишены многословности и восторженного романтизма, присущих, к примеру, каноническому переводу Т. Щепкиной-Куперник.

С режиссёрской точки зрения, очень важным является момент «входа» зрителя в пространство поэтического текста. Проще говоря, у зрителя не должно возникнуть вопроса – почему эти люди на сцене вдруг говорят стихами? Чтобы избежать этого изначального отторжения, был придуман режиссёрский ход с песнями и зонгами – первые двадцать минут спектакля, где зритель видит некое представление, которое затем сорвёт своим приходом Сирано, решены как музыкальный спектакль. Песни – то пространство современного человека, где поэзия сохранила все свои права, поэтому, когда после шести-семи песен персонажи остаются в стихотворном диалоге, зритель не замечает этого перехода.

Bei manchen Szenen des Stücks gibt das Versmass die Umsetzung vor. So ist etwa die berühmte Szene «À la fin de l'envoi, je touche» [Dt. Denn beim letzten Verse stech ich – Anm. d. Ü], in der Cyrano ficht und gleichzeitig eine Ballade rezitiert, als Duell im Rhythmus verschiedener Versmasse gelöst – dreihebiger Daktylus, vierhebiger Amphibrachys, Hexameter. Das ist eine technisch sehr aufwändige Szene, die die Liebe der Hauptfigur zur Poesie, sein Draufgängertum und seine Risikofreudigkeit in sich vereint und mehrmonatige Proben mit erfahrenen Fechtmeistern erfordert.

Стихотворный размер подсказывает также решения некоторых сцен спектакля. Так, знаменитая сцена «Я попаду в конце посылки», в которой Сирано одновременно фехтует и импровизирует балладу, решена как фехтование в ритме различных стихотворных размеров – трёхстопный дактиль, четырёхстопный амфибрахий, гекзаметр. Эта технически очень сложная сцена, потребовавшая нескольких месяцев репетиций с постановщиками боёв, соединяет в себе любовь к поэзии, азарт и риск, присущие заглавному герою.

In das Stück sind — an manchen Stellen ganz offen, an manchen verdeckt — Verse verschiedener Dichter aus unterschiedlichen Epochen eingebaut: Charms, Rilke, Apollinaire. Meistens empfindet der in den poetischen Textraum entführte Zuschauer diese Einsprengsel nicht als fremd. Einer der stärksten Momente des Stücks ist die Szene, in der Christian nach seinem Tod das Gedicht «Traum vom alten Freund» von Jewgeni Jewtuschenko rezitiert. In diesen sechs Minuten, die immer Applaus nach sich ziehen, sitzt der Schauspieler einfach an der Rampe und trägt die Verse vor. Konzentration und Aufmerksamkeit des Publikums erreichen hier ihren Höhepunkt. Das beweist, dass ein Gedicht die Zuschauer mindestens genauso beeindrucken kann wie etwa die personenstarke, weitläufige Schlachtenszene vom Sturm auf Arras.

Rostands Heldenkomödie ist in fünf Akten verfasst – und jeder Akt verhandelt die Beziehungen des Dichters (des Künstlers, des Schauspielers) zu den fundamentalen Konzepten von Liebe, Freundschaft, Macht, Krieg und Tod. Jede Zeit setzt in diesen Beziehungen ihre Akzente, und so kann man mit Sicherheit davon ausgehen, dass «Cyrano» mit jeder Gegenwart Berührungspunkte finden wird. In unserer so rasch sich wandelnden Welt können sich allerdings Sinn und Botschaft des Stücks zwischen Probenbeginn und Premiere regelrecht ins Gegenteil verkehren.

Aus dem Russischen von Ruth Altenhofer

В спектакль где-то очевидно, а где-то скрытым образом вмонтированы стихи разных поэтов разных эпох – Хармса, Рильке, Аполлинера. Часто зритель, введённый в пространство поэтического текста, не ощущает чужеродности этих вставок. Один из самых сильных эмоциональных моментов спектакля – сцена, в которой Кристиан после своей смерти читает стихотворение Е. Евтушенко «Мне снится старый друг». В этой шестиминутной сцене, которая заканчивается неизменными аплодисментами, актёр просто сидит на авансцене и читает стихи. При этом степень концентрации и внимания зрительного зала здесь наивысшая за весь спектакль. И это доказывает, что сам по себе стихотворный текст способен произвести на зрителя не меньшее впечатление, чем многофигурная пространственная композиция батальной сцены штурма Арраса.

Героическая комедия Ростана написана в пяти актах – и каждый акт исследует отношения поэта (художника, артиста) с самыми фундаментальными понятиями – любовь, дружба, власть, война, смерть. Каждое время по-своему расставляет акценты среди этих отношений, поэтому с уверенностью можно утверждать, что «Сирано» всегда будет находить точки соприкосновения с современностью. Правда, в нашем столь быстро меняющемся мире между началом репетиций и премьерой смысл и послание спектакля могут измениться на диаметрально противоположные.